

ГЛАВА 1

БЕЛЫЙ ВОЛК

Варрин сжимал древко копья и вглядывался в темный горизонт, с трудом сохраняя равновесие, потому что волны сильно раскачивали небольшой военный корабль. «Вон там, — подумал воин, — протекает река, о которой рассказывал конунг: широкое устье между двумя обрывами, один напоминает очертаниями спину дракона, а второй — потягивающуюся собаку. Очень похоже, — решил он, — особенно если долго не присматриваться».

— Господин мой Аудун, кажется, мы на месте.

Человек в плаще, сидевший спиной к носу корабля, шевельнулся. Его длинные белые волосы засияли в ярком свете месяца. Он медленно поднялся, разминая оковеневшие и затекшие конечности, а затем внимательно оглядел берег.

— Да, — подтвердил он, — все, как было сказано в пророчестве.

Варрин, настоящий великан, на полторы головы выше своего конунга, услышав о пророчестве, прикоснулся к амулету на шее.

— Подождем до рассвета и войдем в реку?

Аудун покачал головой.

— Нет, сейчас, — сказал он. — На нашей стороне Один.

Варрин кивнул. В другое время он решил бы, что крайне неосмотрительно входить в незнакомую реку в темноте. Однако когда рядом конунг, все кажется возможным. Аудун происходил из рода Вельсунгов — прямой потомок богов, получивший в наследство часть их силы.

Течение было слабое, но несло их в нужном направлении, дружина отлично отдохнула, потому что пару дней дул попутный ветер, и теперь всем не терпелось взяться за весла. Все складывается удачно, что неудивительно, ведь на борту конунг. Варрин считал, что его магия благословляет их на пути.

Воины налегли на весла, сражаясь с волнами и стремительно приближаясь к устью реки. Корабль теперь раскачивался гораздо меньше, чем под парусом, и целеустремленность, вдруг появившаяся в движении драккара, вторила настрою Варрина, работавшего веслом. Они, без всяких сомнений, идут на битву, и Варрин готов к ней.

На борту было всего десять воинов, считая конунга, однако Варрина не мучили сомнения, страхи или неуверенность. Он рядом со своим господином, конунгом Аудуном, выходящим победителем из бесчисленных сражений, сразившим громадного геата, Гирда Могущественного. Если Аудун считает, что десяти воинов достаточно, значит, десяти достаточно. И боги просто посмеялись, не дав такому человеку наследника. Ходят слухи, что Аудун — потомок самого Одина, верховного бога. И помешанный на сражениях скальд почувствовал, что его неукротимый потомок способен сравниться с ним, поэтому обрек Аудуна начинать только девочек. Бог не хотел, чтобы конунг зачал сына, который превзойдет отца.

Варрин вздрогнул, подумав о том, что будет, если у Аудуна так и не родится сын. Ему придется назначить наследника, и это обязательно приведет к раздорам и кровопролитию. Только имя Аудуна помогало сохранять мир между отдельными областями его владений. А исчезни конунг, начнется междоусобица и тут же пожалуют враги. Варрин посмотрел на конунга и улыбнулся сам себе. С Белого Волка станется жить вечно.

Варрин оглядел черные холмы, недоумевая, зачем они пришли сюда. Это, кажется, не обычный набег, потому что корабль отчалил от пологого берега в целом дне пути от дома, и никто из родных не пожелал им удачи, никто не устроил прощальный пир в их честь. Лишь доспехи, ярко начищенные топоры и два щита на борту — один с нарисованной волчьей головой, а второй с вороном — сообщали об их намерениях. Эти изображения недвусмысленно предупреждали врагов: «Мы устроим пиршество для воронов и волков».

Они стремительно вошли в устье реки и тут же замедлили ход — было слишком мелко. Но совсем останавливаться не стали; Аудун перешел на нос и перегнулся через борт, вглядываясь в дно и отдавая приказания рулевому. Пока драккар входил в реку, слов-

но меч в ножны, Варрин бросил короткий взгляд на воина, сидевшего у противоположного борта. Молодой человек лет семнадцати, который никогда еще не ходил в походы с Аудуном, улыбнулся в ответ. «Ты был прав, он не знает равных!» — говорил его взгляд. Все воины гордились своим конунгом.

Приливная волна помогла судну войти в реку. Русло было узким и опасным, река проложила себе путь между острыми утесами и валунами, однако конунг сумел провести их. Они поднимались по течению примерно час, скрытые непроглядной тьмой, и лишь тонкий серп луны светил высоко в поднебесье. Прилив слабел, и им приходилось все сильнее налегать на весла. Впереди вырисовался изгиб песчаной отмели, и Аудун сделал знак причаливать. Небольшой корабль был просто создан для подобных берегов — он вошел в песок, едва заметно вздрогнув.

Аудун развернулся к своим воинам и по очереди обратился к ним:

— Виги, Эйвинд, Эгил, Хелла, Кель, Вотт, Грани, Арнгир! Все мы родня по крови и названные братья. Между нами не может быть лжи. Никто из вас не вернется из этого похода. Только Варрин выйдет вместе со мной на берег, чтобы править кораблем. Когда взойдет солнце, все вы будете пировать со своими предками в чертогах Одина.

Почти все воины приняли весть о своей скорой гибели совершенно бесстрашно. Они же воины, они с младенчества знали, что им суждено погибнуть в битве. Некоторые улыбнулись, радуясь тому, что им предстоит умереть на глазах конунга.

— Я должен погибнуть со своими сородичами, — заявил Варрин.

— Твое время тоже скоро придет, — заверил Аудун.

Он поглядел на Варрина — если у него и есть друзья, то только этот великан. Варрин необходим ему, чтобы спустить драккар на воду и провести по опасному речному руслу до моря, откуда начинается путь домой. Тогда он позволит умереть и ему.

— Я не могу открыть вам, почему вы должны остаться здесь, скажу лишь, что так надо. Но знайте: о ваших подвигах будут славать песни до конца времен. Мы пришли сюда для того, чтобы забрать волшебного ребенка, который прославит наш народ в веках. Этот ребенок станет моим наследником.

— А как же тот, которого носит твоя жена? — спросил Варрин.

— Она не беременна, — признался Аудун. — Это обман, придуманный горными ведьмами.

Дружина затаила дыхание. Аудун — прекрасный конунг, справедливый, щедро раздающий кольца. Даже будучи пьяным, он никогда не убивал рабов, что зачастую делали другие конунги. И сейчас его слова потрясли воинов. Эти люди презирали лжецов, а то, о чем сказал конунг, очень походило на ложь. С другой стороны, речь идет о магии, более того, женской магии.

Воины заерзали на скамьях. Смерть их не страшила, они считали ее своим постоянным спутником, вроде собаки. А вот горные ведьмы наводили на них жуть. Только конунг, сам полубог, мог разговаривать с ведьмами, но и ему следовало остерегаться. В прошлом их советы помогали, однако они всегда запрашивали чудовищную цену, неизменно требуя в награду одно и то же: детей. Мальчиков, чтобы прислуживали, и девочек, чтобы продолжали их странные традиции.

— Этого младенца отняли у колдунов с далекого запада и держат в деревне заложником, — пояснил Аудун. — Он — сын богов, и он поведет нас к славе. Здешние землепашцы даже не подозревают, кем владеют. И мы лишим их сокровища раньше, чем они это поймут. В деревне только местные крестьяне, однако в двух часах езды отсюда стоит дружина.

Он взгляделся в темноту. Где-то вдалеке небо окрасилось нежно-розовым светом.

— Сигнальные костры горят, — заметил конунг. — Возможно, придется драться. Ребенок находится в том же доме, где и жрец их бога. На доме, как на всех их святилищах, должен быть такой знак. — Он сложил из пальцев крест. — Когда будем пробиваться к святилищу, идите за мной, потом поможете мне вернуться обратно к кораблю. К тому моменту снова начнется прилив, и я покину вас в зените вашей славы. Вы станете героями, и ваши имена прославятся в веках. Деревня за пятым поворотом реки отсюда. Приготовьтесь.

Воины закивали и спокойно принялись за дело. Отвязали от кормы копьё, вынули из бочонков шлемы и стеганные куртки, достали боевые топоры и закинули за спину. Варрину с Эгилом вы-

пала честь облачать конунга, надевать на него дорогую кольчугу — панцирь, как называли доспех его воины, — и водружать золотой шлем в виде волчьей головы, символа рода. О лучшем шлеме нельзя было и мечтать: лицо он оставлял открытым, если не считать сверкающих пластин на щеках, и казалось, будто гигантский волк держит в пасти голову конунга. Издалека Аудун с обведенными сажей глазами казался в этом шлеме чудовищным человеком с волчьей головой. Воины надели на конунга наручи, затянули на нем золотой пояс, сняли походный плащ и сбросили другой, прошитый золотой нитью.

Варрин протянул конунгу его щит, на котором скалилась нарисованная волчья голова. Пришло время доставать меч, единственный меч на борту, который до сих пор покоился в ножнах с прозрачными камнями. Когда Варрин вынул его из бочонка, меч сейчас же заиграл в лунном свете. Он не был похож на остальные. Клинки северян короткие и прямые, удобные для ближнего боя, когда в другой руке у тебя щит. А этот меч был длинный и тонкий, заметно изогнутый. Он был сильнее любого прямого меча, хотя и легче, и много раз разбивал оружие врага. Аудун заплатил за него целое состояние купцу-южанину, который сказал, что этот меч явился из страны «утренней зари», — Аудун решил, что речь идет о востоке. Но откуда бы ни пришел меч, Аудун знал, что это заговоренный клинок, выкованный, по словам купца, кузнецами-магами из легендарного королевства, затерянного в песках. Купец сказал, что меч называется Шамсир, и Аудун сохранил за ним это имя, которое напоминало дуновение ветров пустыни, во всяком случае, как представлял себе это дуновение конунг. Его воины называли меч Лунным клинком.

Конунг был готов к битве. В боевом облачении он выглядел жутко и величественно — настоящий бог. На самом деле, в отличие от своих дружинников, Аудун не питал слабости к украшениям. И заботился о внешнем виде не без причины — требовалось наводить страх на врагов. Варрин посмотрел на конунга. «Людам запада придется собрать в кулак всю свою храбрость», — подумал он. Скоро были готовы и все остальные. Аудун сам наполнил рога для вина.

— За бесконечные пиры в чертогах павших! — сказал Хелла.